

2002.01.004. МОРИЛА Кл. КОММУНИКАЦИЯ И ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА (ЗАМЕТКИ О ХАБЕРМАСЕ).

MORILHAT C. Communication et théorie de la société: (Notes sur Habermas) // Pensee.–P.1999.–№17.–P. 87-103.

В статье Клода Морила обсуждается взгляд на общество одного из ведущих современных философов и социологов Юргена Хабермаса.

Размышляя о месте и роли философии в современном мире, Хабермас осознает «крах традиционных претензий философии на поиски первооснов, а также ее амбиций создать фундаментальную науку» (с.87). Задачу философии он видит в «посредничестве между экспертным знанием и повседневной жизнью» (с.87). Она призвана помочь ориентироваться в повседневной жизни, сочетая теоретический и практический разум. Автор статьи отмечает глобальность научного замысла Хабермаса. Хабермас разрабатывает теорию общества, опираясь и отталкиваясь от идей К.Маркса, М.Вебера, Э.Дюркгейма, Т.Парсонса, критически их переоценивая.

Для позиции, занимаемой Хабермасом, крайне важно подчеркнуть дистанцию между Марксовым представлением капитализма и особенностями современного капитализма. Морила уточняет, что развитие капиталистических обществ не столько потребовало исправлений и дополнений к теории Маркса, сколько показало изначально присущее ей отсутствие перспективы. Эту мысль Хабермас отчетливо сформулировал: «Марксов подход способствует зауженной интерпретации экономической сферы передовых капиталистических обществ» (с. 87). По сравнению с докапиталистическими обществами капиталистические отличаются автономизацией экономической сферы от социальной. Однако выдвинутая Марксом дихотомия базис/надстройка соответствовала разделению, существовавшему в его время между экономикой и политикой либерального капитализма. Начиная с конца XIX в. экономические функции государства настолько возросли, что разделение на экономику и политику потеряло четкие границы. Хабермас полагает, что «возрастание роли государства, вызванное экономическими кризисами и социальной борьбой, состоит в поддержании социальной стабильности, необходимой для получения прибылей (от капиталов), что приводит к установлению современного социального государства. Оно обеспечивает «лояльность масс» по отношению к себе» с помощью политики распределения (с. 88). Таким образом, классовый конфликт гасится, и хотя антагонистические противоречия не исчезают, а становятся

латентными, они теряют свою структурирующую способность как для отдельных индивидов, так и для групп. Теряется критерий идентификации классовых интересов, а одновременно с этим и основание идеологических столкновений, их место занимает «технократическая идеология, подпитываемая быстрым ростом науки и техники» (с.89). Таким образом, Хабермас полагает, что два исходных положения Маркса о классовой борьбе и об идеологии потеряли свою актуальность. Впрочем, так же, как и его теория о стоимости, поскольку наука и техника становятся основной производительной силой.

Хабермас считал, что Маркс, введя различие производительных сил/производственных отношений, подменил ими диалектическую пару труд/взаимодействие. В результате понятие взаимодействия прилагается лишь к области трудовых отношений. «Коммуникативную активность он заменил активностью инструментальной» (с89), сводя всю социальную практику к одному производству.

Далее автор статьи рассматривает рецепцию Хабермасом веберовской концепции современного западного общества. Хабермас критически оценивает понятие «формальной рациональности» как одностороннее, опирающееся на технологическую и монологическую модель деятельности (с.90).

Хабермас развивает его, выделяя действия инструментальные, стратегические и коммуникативные. Инструментальным, по его мнению, является «действие, нацеленное на достижение успеха, если мы рассматриваем его с точки зрения следования техническим правилам действия. в контексте определенного положения вещей и событий». Он называет стратегическим «действие, нацеленное на достижение успеха, если мы рассматриваем его с точки зрения преследования рациональных правил выбора и оцениваем степень влияния на эффективность решения рационального партнера». «Инструментальные действия могут быть учтены в социальных взаимодействиях, тогда как стратегические действия сами по себе являются социальными действиями». О коммуникативных действиях можно говорить, «когда планы действия участников ориентированы не на эгоцентрический успех, а на возможность взаимопонимания» (с.90).

Автор статьи считает, что пара понятий стратегическое действие/коммуникативное действие составляет концептуальный стержень теории Хабермаса. Признаком их различия является зависимость от языковой деятельности. Если для стратегического

действия язык играет роль лишь одного из средств для достижения цели, то для коммуникативного действия достижение взаимопонимания идет исключительно через языковую практику, т.е. во втором случае «связь является не случайной, а основной» (с.91). Коммуникативные и стратегические действия принципиально отличаются друг от друга, «поскольку невозможно посредством речевого акта добиваться одновременно согласия с собеседником и оказания на него воздействия причинного характера» (с.91).

Хабермас придерживается мнения, что коммуникативные действия онтологически первичны, поскольку стратегические действия существуют в качестве решений, подменяющих неудавшиеся коммуникативные действия. Он полагает, что социальное пространство имеет преимущественно коммуникативный, языковой характер, в то время как модель общества, базирующаяся на стратегической деятельности, атомизирует его, сводит к столкновению личных интересов. Понятие коммуникативного действия объясняет существование общественного порядка и наличие в обществе нормативного элемента. Если рассматривать социальную реальность с точки зрения стратегического действия, то она «имеет тенденцию сужаться к производственной деятельности в ущерб восприятию совокупности общественных отношений» (с.92). Разнообразие видов человеческих взаимодействий получает полное освещение лишь в свете логики коммуникативного действия.

Естественно, тип «участников коммуникативного взаимодействия, движимых единственно волей к достижению консенсуса», существует лишь идеально (с.92), и потому Хабермас говорит не о полюсах в способах действия, а о критерии их различий. Поиск взаимопонимания подразумевает наличие двух равноправных партнеров и исключает отношения подчиненности, что весьма ограничивает социологическое применение этой модели. Но Хабермас утверждает, что в современном обществе логика достижения консенсуса постепенно берет верх над конфликтной логикой в этико-политической области.

Понятие коммуникативного акта побуждает обратиться к теориям языка. Хабермас опирается на проводимое американскими лингвистами Остином и Серлом различие между речевыми актами: а) констатирующие языковые действия, относящиеся к состоянию вещей; б) регулирующие, отсылающие к нормам; с) экспрессивные, относящиеся к жизненному опыту. При этом Хабермас подчеркивает, что, несмотря на различные формы, «в каждом своем речевом акте говорящий

соотносит себя одновременно с чем-либо, относящимся к объективному миру, к обществу и к своему субъективному миру» (с.94). Коммуникативная деятельность развивается в трех измерениях: когнитивно-инструментальном, морально-практическом и экспрессивном.

Замысел Хабермаса автор видит в намерении «создать социологию, основанную на теории языка» (с.95). Но в таком случае социальная реальность редуцируется к коммуникативной деятельности, в частности к одной из ее форм, к регулирующим языковым действиям. Таким образом, социальные системы могут восприниматься как системы коммуникативных действий. «Социальный мир опирается на нормативный контекст, устанавливающий, какие взаимодействия относятся к области межличностных отношений... И в этом случае распространение инструментальных типов логики, свойственных эконо-мике или бюрократической системе, за пределы собственной системы способствует патологической деформации коммуникативных инфраструктур пережитого опыта» (с.96).

Несмотря на существование концепции, в соответствии с которой языковая деятельность является автономной, не связанной с социальным, где участники общения являются не более чем собеседниками, автор пишет, что язык рассматривается как средство информации и коммуникации, и он предпочитает оставаться в рамках инструментального подхода к языку. Межличностные отношения предполагают замену отношений субъект/объект отношениями субъект/язык.

Хабермас предлагает двухуровневую концепцию общества, различающую и противопоставляющую жизненный мир и саморегулируемую систему. Жизненный мир включает в себя три составные части: культуру, общество и структуру личности. Эти три составляющие встречаются в их общем медиаторе, обыденном языке. Жизненный мир – это по сути «трансцендентальное место, где встречаются говорящий и слушающий» (с.98-99). Для собеседников он составляет фон, на котором воспринимаются новые ситуации.

Любые нормативные порядки, независимо от того, принимают ли они форму институтов или остаются неоформленными, обнаруживают себя в «виде беглых контекстов, всегда являются порядками, строящимися на межличностных отношениях» (с.99). И, следовательно, все члены общества равным образом принимают участие в воспроизводстве жизненного мира. По Хабермасу получается, замечает Морила, что

‘навязывание законных норм и ценностей оказывается невозможным в рамках теории коммуникаций’ (с.99).

Хабермас показывает ложность идентификации общества и жизненного мира, которая не учитывает, что целенаправленные действия испытывают воздействие не только со стороны процессов взаимопонимания, но и со стороны функциональных контекстов, нежелательных для них, которые, впрочем, субъекты действия большей частью не замечают в окружающей повседневности. Коммуникативный утопизм может быть преодолен лишь учитывая одновременно символическое воспроизводство и материальное воспроизводство общества; в одном из них преобладает аспект взаимопонимания, в другом – аспект целенаправленной рациональности.

В социальной области субъекты действуют сознательно, в силу того, что жизненный мир является результатом объединения их намерений, взаимодействий; напротив, целостность и воспроизводство системы утверждаются независимо от их воли, стратегические, а также коммуникативные действия выступают в данном случае лишь инструментами автономного системообразующего регулирования (с.100).

Хотя, по мнению Хабермаса, воспроизводство общества невозможно объяснить исходя только из рассмотрения жизненного мира, однако его теория коммуникативного действия не идет дальше противопоставления системы и жизненного мира как принципиально чуждых друг другу логик. Принимать в расчет систему для понимания жизненного мира необходимо постольку, поскольку пространство жизненного мира имеет тенденцию сокращаться по мере развития капитализма и усложнения государственной и экономической подсистем. Хабермас образно называет этот процесс ‘колонизацией жизненного мира императивами системы’ (с.100). Между этими двумя типами воспроизводства не существует отношений структурирующей детерминации. Но вместе с тем возросшая сложность систем зависит от структурных дифференциаций жизненного мира. А его структурное изменение подчиняется, в свою очередь, усилиям коммуникативной рационализации. Таким образом, мы имеем дело с перевернутой марксистской схемой, речь идет о реставрации идеализма в истории.

Дуализм, подытоживает свой анализ Морила, является неотъемлемой и основной чертой теории общества Хабермаса.

*Е.Л.Ушкова*